Мужчина удивлённо молчал. Тем не менее эта девочка всё больше интересовала его. Она интриговала Этьена, как китайская головоломка, которую хотелось разгадать. И это было странно, ни одна взрослая женщина не вызывала у Этьена де Шевалье таких эмоций, отчего он чувствовал себя несколько неловко.

Этьен проводил отряд мадемуазель д'Эстре до монастыря, где находилась школа, а когда хотел отправиться дальше, девушка перепоручила своему отряду сопровождать и охранять молодого гугенота. В такой ситуации обе стороны чувствовали себя неловко, но Корентайн настояла. Она объяснила, что дворянину ездить по миру одному не слишком хорошая идея, особенно с деньгами, притороченными к седлу. А недовольных охранников убедила в том, что нельзя косо смотреть на гугенотов, только потому, что они иначе проводят церемонии. Конечно, будь в её отряде слишком рьяные католики, это было бы невозможной схемой, но девочка изначально не набирала тех, кто был излишне ретив в борьбе за веру. После этого Корентайн со служанками вошла в монастырь, где, как она думала, ей предстоит проучиться все шесть лет…

* * *

Генрих Наваррский, вернувшись в то утро в свои покои, чтобы привести себя в подобающий вид, обнаружил на кровати письмо, написанное изящным почерком и пахнущее теми же духами, которые он чувствовал ночью от волос девочки. Как и когда это письмо оказалось в его кровати, король Наварры понятия не имел, но вскрыл и прочитал его с интересом.

К его огромному удивлению и разочарованию, все пять или шесть листов дорогой, плотной и очень качественной бумаги были заполнены далеко отстоящими от себя строчками не слишком умелого любовного послания. Но концовка заставила взглянуть на письмо иначе.

{Знаю, Вы можете подумать обо мне не весть что, за то, что я тут наговорила, но всегда помните, что надо смотреть не на внешность, а в сердце, только там открывается вся суть вещей. Не будьте поверхностны, мой милый Анри!}

То, как эта восьмилетняя девочка держалась и говорила, было совсем не похоже на то, каким выглядело её письмо.

Он уже долгие годы играл в шпионские, военные и религиозные игры, чтобы не знать, как передавать тайные послания. Но откуда это могла знать девочка восьми лет, большую часть жизни прожившая в северной провинции?

"А откуда девочка двух или трёх лет могла знать о готовящейся резне?" – напомнил самому себе Анри. Недолго думая, мужчина прошёл с письмом в кабинет и, заперевшись там, начал доставать специальные ингредиенты для проявления надписей. Но сколько бы он ни бился, ничего не помогало. Вспомнив о том, как они со своим тёзкой, нынешним принцем Конде, играли в детстве в шпионов при дворе и писали записки лимонным соком, мужчина попытался нагреть письмо, однако вместо проявления слов поверхность вдруг вздулась! Стало очевидным, что толстой бумага была не из-за качества и дороговизны, а из-за того, что она была склеена из нескольких слоёв!

Покачав головой, Генрих пришёл к осознанию, что не только он стремился встретиться с той, кого запомнил маленьким ребёнком в ажурном платье, но и сама девочка надеялась встретиться с ним, а потому подготовилась. Было очевидно, что письмо готовили скрупулёзно, тщательно, сильно заранее. Такое в дороге или за один вечер не изготовить. Но почему было не сказать всё при встрече? Понятно, что до неё Корентайн сомневалась, что у них будет шанс поговорить наедине. Но вчера?

Тем не менее Генрих аккуратно разделил слои листов, и достал центральные части, сердцевину.

Чернила стали проступать на листках сразу, как соприкоснулись с воздухом, и молодой король стал читать.

{Я рада, что Вы нашли истину, Анри. К сожалению, я не могла бы рассказать это лично, как бы ни произошла наша встреча. Во-первых, я не доверяю людям, которые нас окружают, во-вторых, я боюсь, что чем древнее стены, тем больше там ушей, а, в-третьих, я боюсь, что Вы отнесётесь недостаточно серьёзно к словам девочки. И, хотя я не доверяю бумаге, это лучшее, что я смогла придумать.

Что ж, думаю, про приезд Маргариты я Вам сказала лично. Как поступать? Вам решать. Но подумайте вот о чём: я буду пять или шесть лет учиться в монастыре тому, что не подобает женщинам – убивать. Думаю, и Вам стоит потратить некоторое время на то, что не подобает монарху – сдержанности. Поверьте, я не из ревности или зависти говорю это, а лишь из расположения к Вам. Помните, что в ту ночь выжило очень много рьяных протестантов. Посвятите время труду и совершенствованию. Например, боевой подготовке или зачатию в коем-то веки законного наследника. Это оценят. Поверьте. Обе стороны.

Далее. Держите в узде своего двоюродного брата, иначе он уничтожит мир, к которому все стремятся. Выживание большого числа гугенотов в ту ночь стало благом и бедствием для Вас, Анри. Благом, потому что у Вас более твёрдая и непоколебимая поддержка, которой не смогла Вас лишить змея Медичи. Бедствием, потому что среди выживших много фанатиков, подобных вашим тёзкам, Генриху де Гизу и принцу Конде.

Один умный человек сказал: "Фанатизм ни в одном деле не доводит до добра".

Мы все под одним небом ходим, одним воздухом дышим. Какой рукой мы крестимся или сколько вокруг нас в церкви мишуры – это не так важно, важно привести всех к пониманию того, что французы – гугеноты или католики – это один народ.

Так вот, не позволяйте Конде делать глупости. Но он вёрткий, наглый и претенциозный, а потому не послушает Вас, считая себя более достойным лидером для французских протестантов. Это не так.

Если же сдержать его не удастся, убедитесь, что в Сорезе достаточно войск, чтобы защитить город.

Я не стану отговаривать Вас от взятия Каора, но подготовьтесь лучше. Тщательнее. Он принадлежит Вам по праву, да, но взять его тем, что Вы подготовили, будет сложно.

Я знаю, что Вы любите свою семью, как бы не были резки её члены на язык, но… если Конде удержать не удастся, лучше найдите способ помешать ему избежать наказания. Вам нужна стабильность, сила, а когда одеяло тянут на себя в разные стороны, очень мёрзнут ноги. А с замёрзшими ногами сложно воевать.

Остерегайтесь герцога Анжуйского. Монсеньор мнит королём себя, и Вы нужны ему на ролях комнатной собачки или сторожевого пса.}

Девочка не называла дат, но многое было очевидным Генриху, так как он строил планы о том и об этом. И чем больше мужчина читал, тем сильнее мрачнел. Неужели среди верных людей был шпион? Но какой толк ему делиться всем этим с ребёнком? Или ребёнок вновь услышал то, чего, по мнению взрослых не в состоянии понять?

Как бы то ни было, Генрих тщательно запомнил всё, от имён тех, кто волей или неволей будет ставить палки в колёса, до мест, где на него будут совершены покушения. Девочка не знала имён тех, кто станет убийцей или орудием в руках убийцы, но перечислила много потенциально опасных ситуаций. И Анри не мог позволить себе подвести этого странного ребёнка.

Конечно, он собирался проверить её слова, но сначала всё запомнил.

А потом сжёг бумагу, убедившись, что ни клочка не осталось ни от "сердца", ни от "тела".

Потратив на это большую часть дня, Наваррский с недовольством осознал, как ужасно хочет

есть. А ещё ему надлежало найти верного человека для своей маленькой спасительницы. Верного ей, а не кому-то иному. И мужчина собирался тщательно позаботиться об этом.

* * *

Корентайн прошла в кабинет настоятеля, следуя за молодым монахом, который с удивлением смотрел на четырёх служанок, сопровождающих, как он думал, сына богатого дворянина. Разве при мальчике не должно быть хотя бы гувернёра? Камердинера?

Однако монах не задавал вопросов, просто проведя мальчишку по коридорам, прежде чем постучать в дверь настоятеля.

Получив разрешение войти, монах сообщил о прибытии нового ученика и впустил мальчика внутрь. Он жестом предложил и кому-то из служанок пройти следом, но те покачал головами, отказавшись. Равнодушно пожав плечами, молодой монах закрыл дверь и отошёл в сторону, но не покинул коридор, на случай, если он потребуется настоятелю.

В то же время внутри кабинета юная Корентайн стянула с головы шляпу, выпустив на волю длинную косу, и преставилась.

– Рад знакомству, юная леди, – заговорил на итальянском довольно молодо выглядящий настоятель. – Я получил письмо от Мишеля, но не ждал Вас раньше, чем через месяц.

– Я ехала верхом, и не в дамском седле, плюс задерживаться было особо негде, – также на итальянском ответила девочка.

– Что же Вас так привлекает в учёбе здесь? – мужчина перешёл на испанский, жестом предложив девочке присесть.

– Возможность научиться тому, что в обычной ситуации недоступно женщинам, – также на испанском ответила девочка.

Следующую фразу собеседник проговорил на арабском. Корентайн покачала головой, и настоятель повторил её на английском:

– Перечислите конкретно то, чему бы Вы хотели научиться.

– Политика, тактика и стратегия, военное искусство, алхимия, изготовление ядов и лекарств, и, только не смейтесь, мыловарение.

– Мыловарение? – хотя это и показалось странным, настоятель не стал заострять внимания. – Если я правильно понимаю, Вы хотите держать на одной руке смерть, на другой жизнь? – по-

немецки ответил мужчина, а Корентайн, лукаво улыбнувшись, сказала по-русски:

– Вы ещё предложите мне мёртвую и живую воду!

Теперь уже удивлённо покачал головой настоятель. Тогда Кора повторила фразу на латыни, и мужчина рассмеялся.

– Что это за язык? Кажется немного знакомым, но не разберу.

http://erolate.com/book/3457/83422